

СВЕТЛАНА ЛУЧКИНА

ГАРМОНИЯ

РАССКАЗ

Вот что в жизни главное?

Ну, скажете вы, здоровье... Не буду спорить, важная вещь. Но, бывает, человек здоров, а ему кажется, будто и не здоров вовсе.

Деньги, скажете. Понятное дело — все бедные так думают. А ведь богатые просто заколебались... У соседа денег больше, яхта длиннее. Богатые очень страдают. И лица у них оттого вечно удивлённые и вытянутые. Посмотрите любой список Forbes — таких ошарашенных людей вы нигде больше не увидите. Как будто у них перед лицом только что петарду взорвали.

Некоторые скажут, что главное — любовь! Куда ж мы без любви! И жизнь — любовь. И душа — любовь. И труд — любовь. Куда хочешь, туда её и пристраивай. Почти как у корпорации Яндекс... Только вместо слова “Яндекс” подставляй “Любовь”.

Любовь. Еда.

Любовь. Музыка.

Любовь. Здоровье.

Даже Любовь. Деньги.

В общем, полная идиллия. Но надо смотреть правде в глаза. Самое важное в жизни — это умение договориться с самим собой. Внутренняя гармония. Всё остальное — ерунда!

Вот видите, вы об этом не догадывались. А я во всём уже давно разобрался! На самом деле я как будто знал истину с детства. Просто чувствовал. Я могу быть счастливым в любом моменте. В любой компании. И почти при любых обстоятельствах.

ЛУЧКИНА Светлана Александровна родилась в Москве в 1977 году, с красным дипломом окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности “связи с общественностью”. Журналист. Кандидат филологических наук.

Я чётко понимаю, что делает меня счастливым: я должен знать, что я круче всех. Точнее, вот так: все вокруг должны знать, что я круче их. Если они это признают — я счастлив. Точка.

Простой пример. Оказался я в компании ватерполистов. Ну, занесло невзначай. И стоят они вокруг меня — свет белый закрывают. Плечи здоровые. Руки до пола. Затылки отполированные. Какие-то гормональные искривления, а не люди. А я, хоть внешности и хипстерской, яркой, и даже почти с жену ростом, но в таком обществе легко могу потеряться. Точнее, мог бы! Если бы не моя природная мудрость, знание человеческой природы и три минуты “Гугла” перед атакой.

— А я ведь в тоже в сборной олимпийского резерва плавал, — неспешно так говорю.

Не все расслышали. Просто у парней рост чрезмерный. И вода годами в уши заливалась...

— Плавал, — продолжаю, — в сборной олимпийского резерва. Потом и в саму сборную взяли...

Информация попала. Секунда тишины. Потом самый большой шкаф уточняет:

— В олимпийскую сборную? Тебя? Взяли?

— Ага... мне шестнадцать стукнуло, там что-то с бумажками поколдовали. Взяли...

И вот они все развернулись ко мне и смотрят, как деревья на зайца. Кто-то решил пошутить:

— Мож, ты и на Олимпиаду ездил?

— Конечно, ездил... В Афины ездил. Первая Олимпиада моя. Мы третье место заняли.

— Что-то не похож ты на ватерполиста.

— Ну, похож — не похож, зато я лёгкий, с поднятой рукой ходить ча-сами могу. И кидаю чётко.

— Подожди, Шурик, как твоя фамилия? Я почти все фамилии сборной с детства помню... — Это Макс, очень умный по меркам водного поло. Надо сказать, такие умники — самое плохое в борьбе за собственное благополучие. Они присутствуют в каждой компании, они всегда есть и всегда найдутся. Чудик, который помнит все фамилии сборной, или с детства выучил все созвездия, или посмотрел все фильмы Жоржа Мельеса. Ничего удивительного — по статистике, восемьдесят процентов людей имеют не диагностированные психические отклонения.

Поэтому порой приходится импровизировать:

— Ну, я в том матче не выходил... Сергеич меня на скамейке держал. У меня просто точность высокая, а там игра чисто на физике держалась.

— А с кем играли в Афинах? — спросил кто-то.

— Так с хозяевами. С греками. Игра была жёсть, ребята. Я пацан был совсем. До сих пор по минутам всё помню.

— Сергеич — это Кабанов, что ли?

— Да, я с ним несколько лет тренировался, пока он к бабам не ушёл.

Шкафы помолчали. Должно быть, пристраивали в своих тугих головах мысль, зачем Сергеич ушёл к бабам. Я решил их добить...

— Суперчеловек Александр Сергеич. Болеет сейчас, конечно, здоровье не то. Всегда мне говорил: “Дохлак ты, Шурик, но мозги гениально работают. Все чемпионы только мозгами играют. Без этого никуда”.

Помолчали снова. Самый компактный из них спрашивает, почти робко:

— А что за точность у тебя? Фишка какая есть?

Вот он, момент счастья.

Все выжидающе смотрят на меня. Эти горы мяса и мышц, молотящие воду и друг друга, как машины, думают, что я со своим живым весом в 65 кг знаю что-то волшебное.

— Да не, — медленно так роняю, — просто вратаря дёргаю. И в нужный момент кладу мяч. Чисто на реакции.

Они переглядываются:

— Так и все так... Чего тут...

— Не знаю, как это работает, мужики, — по-доброму смеюсь я. — Но работает!

Они меня, конечно, на игру позвали. Руку долго жали своими подносами железобетонными. На игру я, понятное дело, не поехал. Зачем? Я и так был счастлив ещё неделю после того эпизода.

Вот так всё просто.

Попросила жена дочку в театральную студию отвести и подождать час. Да не проблема. Пришли мы. Атмосфера какая-то нездоровая, как на войне. Прямо в воздухе конкурентный смог висит. Мне сразу тоскливо становится в такой обстановке. Маня моя тоже обычно теряется. Сел, жду. И со всех сторон от мамы летит информация, способная разрушить моё самощущение счастливого отца. Летит прямо в меня:

— А кто в нашей сказке “Буратино” играет, уже известно?

— Боря — Буратино. Петя — Пьеро. А Артём — Артемон.

— А Мальвину выбрали? А, ну Мальвина, конечно, Майя. Она ж у нас первая красавица.

— Ой, девочки, мы вчера на съёмках были!

— Да что вы? И где снимались?

— В рекламу майонеза. Лизоньку сняли. И крупный план был. И даже текст. Скоро на всех каналах.

— А нам из шоу Галкина ответили. Ну, вот это, про талантливых детей. В четверг едем.

— Правда? Это замечательно.

— А я не знаю даже, что делать, девочки... Вероничке педагог сказала, что надо срочно оперным вокалом заниматься. Говорит, что срочно надо показать кому-то. Обещала с Гнесинкой поговорить.

И всё это валится мне прямо в душу... В незащищённую душу отца! Неподготовленную для переваривания успехов чужих детей. Ну нет, думаю, просто так я вам не дамся... Покашлял и говорю:

— Простите, а вы не знаете, как здесь к пропускам занятий относятся?

Они вяло повернулись ко мне, как многоголовая гидра с одним выражением в двадцати глазах. И забублькали своими снисходительными объяснениями про то, как надо “предупредить” да “поговорить”, но “вообще не очень”. Выслушал я это с великой благодарностью и говорю:

— Спасибо большое, сегодня же поговорю. А вы не знаете, кого в “Буратине” Маня моя играет?

— Она играет куклу в первом действии. И чайничек во втором. Кажется, так.

— Ясно... Не хотелось бы коллектив подводить. Можно будет договориться, чтобы кто-то другой сыграл, а то мы около двух месяцев не сможем, скорее всего, ходить.

— Два месяца? Так это как раз до спектакля осталось?

Делаю очень серьёзное лицо, сокрушённо вздыхаю.

— Вот как раз до мая не сможем. Никак. Маня так переживает за спектакль.

— Да вы не волнуйтесь. Может, Ирина Борисовна и совсем чайничек уберёт. Он никакой нагрузки не несёт. А что у вас случилось?

Гидра о десяти головах доверчиво повернута ко мне, проникнута жалостью к театральным чайникам и прочему реквизиту. Я достаю невидимый меч. И говорю:

— У Мани съёмки до мая. Проект Диснея. Сказка. Полный метр.

Глаза гидры застывают, улыбки делаются неподвижными, как будто их только что спрыснули фиксатором.

— У Мани? Полный метр?

Я так расстроен, что некому будет играть чайник:

— Да-а-а... И никак её не отпустят — главная роль!.. Сказочника Никита Сергеич играет... А царя Фёдор Сергеич... С ними графики согласованы. Машу, конечно, не отпустят на “Буратино”...

— Подождите... Кто играет?..

— Сергеич...

— Простите, это Михалков, что ли?

Я ощущаю подступающее чувство счастья в районе кадыка, оно медленно заползает в горло и сейчас оттуда тепло польётся по всему телу:

— Да-да... Михалков и Бондарчук. А маму Машину Ходченкова играет. Говорят, сходство большое. Ну, у Светланы с Маней.

— А-а-а... — выдыхает гидра, беря цепное дыхание. — Ну да... Она ж такая бледненькая девочка...

— Blondinka, — поправляю я, — искали девочку как раз такую. Говорят, даже в Прибалтике искали. Но цвет волос не основное. Там роль сложная. Надо было, чтобы актёрски ещё потянула. Как продюсер нам сказал: искали талантливую и красивую. Ну, мне, по крайней мере, так перевели.

— Перевели? — шумно дышала гидра.

— Ну, я английский бегло не очень понимаю. Продюсер с нами разговаривал. Из Голливуда. Объяснял. Вот... такие дела...

Гидра повержена. Коллективная челюсть безвольно висела. Слюна капала и с шипением испарялась прямо в раскалившемся воздухе. Они смотрели друг на друга потерянно и бессильно, как будто я сделал что-то непотребное, как будто надругался над ними. До конца занятия в раздевалке царила тишина. Когда Маня вышла, мамы сканировали её глазами, стараясь найти, нащупать, понять, что ж в ней такого, почему она?.. Почему она?! Потому что у неё отец, который знает, как принести в семью счастье!

Так-то!

С женой, правда, потом неприятный разговор состоялся... Она человек немного другого формата, совсем простой. Ей для счастья надо удивительно мало. Иногда я думаю, что это общая женская черта. Достаточно чувства безопасности и уверенности в каком-то "будущем". Вот смех!.. Кто знает, что будет завтра, — может, кирпич на голову... Но находятся люди, которых греет "будущее". Я жену не осуждаю, в целом Нюрячка у меня весёлая и симпатичная. Но — бывает — уставится серо-ледяными глазами. Брови насупит, как мохнатый мотылёк. И смотрит.

В такие моменты я представляю, как она стремительно стареет прямо на моих глазах. Кожа усыхает и покрывается бороздами морщин. Волосы поднимаются дыбом и замирают колючими клочьями. Из милого мотылька проступает хищная старуха с серыми лезвиями глаз. И становится до жути страшно. Представьте, подходит к вам бабка, медленно, ещё медленнее. И вдруг заглядывает в лицо, глубоко и долго. И смотрит. Реально жёсть, ребята. Я еле сдерживаюсь, чтобы не вскочить и не убежать с диким воплем. Но вдруг старуха резко и беспомощно вздыхает, взгляд теплеет, льдинки трескаются, и лицо оживает добротой и цветением. Короче, повезло мне с женой, если оценивать крупно и на всякие мелочи закрывать глаза.

Но осадочек после этой истории с Диснеем всё же остался. Подошла она ко мне, демонстрируя скорбь всего женского населения земли, и говорит:

— Я тебя попрошу об одной услуге. Ради меня...

— Всё, что угодно, моя крошка!

— Перестань врать.

И смотрит. А потом повторила зачем-то:

— Перестань. Врать.

Я хотел отшутиться. Но чувствую, она снова превращается в старушку. И поспешил:

— Зайка, обещаю! Но только это же не вранье... Это же...

А она руку так подняла, как индейский вождь, и говорит мне страдающим голосом:

— Шурик. Я устала. Правда.

Повернулась и пошла так, будто в нашей квартире реально можно куда-то существенно удалиться.

И почему люди не умеют быть счастливыми? Большинство даже не понимает, как это просто. Когда вы хотите есть — вы что делаете? Правильно, берёте нечто съедобное и едите! Ну, так и здесь! Просто будьте! Вот все хотят крутую работу и огромную зарплату. Ну, как пример, да? Так и где

здесь проблемы? Берёте и идёте на свою работу мечты, если вам приспичило трудиться.

Был у меня такой период... Все вокруг карьеру делали... Какие-то блага приобретали... Какими-то словами в разговоре сыпали из бизнес-справочников. И появилось знакомое чувство, как будто ноет что-то в районе солнечного сплетения. Такая смесь тревоги и раздражения. А ведь я знаю: если позволить процессу течь дальше — можно дойти до депрессии. Значит, мне тоже нужна карьера. Но с нуля было уже слишком поздно и хлопотно. Мне нужна была уже в существенных моментах пройденная карьера, близкая к своему пику и стабильному расцвету. Я пошёл, постриг бороду, придал бакам европейский вид, и пока сидел в кресле, мысленно набросал сценарий успешного взлёта молодого, талантливоего топ-менеджера.

Я ж юридический закончил. В Омске. Учиться любил. Точнее, не учился, а сессии сдавать. Все боятся, у стенки трясутся, в обмороки падают. А это же самый кайф. Игра! Азарт и противостояние. Я приходил с настроением “кто — кого”. Пусть препод докажет, что я не знаю. Хотел бы я посмотреть на такого специалиста. В общем, провалов в университете у меня не было. Одно я понял: Омск не для меня — надо выбираться. Батя всю жизнь в этих своих гарнизонах, погонах, батальонах. Говорит по уставу. Сидит по уставу. Батя считает, что я, как бы это сказать... не получился у них. Они с мамой всё сделали, чтоб я получился, а я сломанный вышел. Давайте следующего.

В общем, я в Питер от них сбежал. В аспирантуру. Нет, я, правда, отучился. Даже что-то пытался защищать. Но тема такая интересная попала — “Развитие и перспективы структурных институциональных реформ в российской экономике”. Защитить её мог только искусственный интеллект. А я ж живой, ребята! В общем, прикинул я возможное развитие событий в случае, если бы я защитился, и весь мир бы лежал у моих ног, и с этой позиции начал новый виток своей карьеры в России.

— Конечно, очень интересен ваш американский опыт...

— Не только опыт, ещё и образование.

— Да-да, конечно, впечатляюще, более чем... Бизнес-школа Лос-Анджелеса, потом Отделение международной экономики и финансов Колумбийского университета в Нью-Йорке. Потом...

— Потом я снова вернулся в Калифорнию. Защитил степень магистра MBA в Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе.

— Да... Да... Вот, вижу...

— Сейчас я доктор экономических наук.

— Поразительно... У нас, как вы знаете, консалтинговый бизнес...

— Я работал в Мак-Кинзи около пяти лет.

— У нас второй вице-президент тоже работал в Мак-Кинзи! Какое совпадение!

— Он в России работал?

— Да, в Москве.

— Я-то работал в Штатах... Был эпизод в Швейцарии несколько месяцев — проект требовал моего участия.

— О... У нас, вы понимаете, российская консалтинговая компания. Крупнейшая российская... Не такая, конечно, как Мак-Кинзи. Но как раз перед нами и стоит задача добиться масштабирования бизнеса. Как раз поэтому мы и ищем новый управленческий штаб...

Такая смешная была эта директор по персоналу. Уточняла, терялась. Я был совершенно счастлив в этот момент. И, представляете, они меня взяли!.. И им не понадобилось ни одного подтверждения моей американской легенды.

— Я понимаю, что у вас есть все основания гордиться... Но при оформлении мы же используем только российские данные, — извинилась эйчар-гёрл.

Я проработал в управленческом консалтинге два года. Два года в должности вице-президента. И всё, что мне надо было сделать, — набрать команду, которая и совершала все необходимые подвиги. Но постепенно мне

стало скучно... Принялись что-то считать и измерять. Внедрять какие-то коэффициенты, метрики. И я пошёл. И так ясно, с чем едят эту блестящую карьеру. Не моё! Творческий полёт с выражами и чудесами мне ближе.

Удивительно, но Нюрочка опять расстроилась. Она этот период гигантской консалтинговой аферы (так по-крупному я ещё не врал) почему-то называла “взялся за ум”. Женщины — совершенно далёкий от реальности народ... Вечно витают в облаках. После моего увольнения Нюрочка (видимо, не понимая, чего она хочет от жизни) пошла работать в лабораторию Инвитро. Она ж химик или биолог. И вот занялась вроде как профессией. Мы с Маней смеёмся, что “мама проверяет кашаки”. И вот проверяет она свои экскременты и всё мечтает об отпуске.

А тут те самые приятели-ватерполисты предложили поехать в поход в Карелию. Палатки, сосны, озеро. Собралась у них компания абсолютно диких туристов.

— Шурик! Давай с нами всей семьёй! Отдых самый настоящий. Никаких отелей. Полное единение с природой.

— Дайте подумать, черти...

— Да что думать! Мы уже третий раз едем. С детьми даже. Лодки берём. Перезагрузка глобальная. Телефон не ловит. Озеро, как море. Мы уходим вглубь. Рыбалка отличная. В лодку садись...

— Да что ты мне рассказываешь!.. Я, знаешь, на каких порогах сплавлялся!.. Я по Уралу ходил...

— Ну, так сам бог велел. Мы на опасные пороги не поедим. Там по большой воде можно до скалистых островов доплыть. Нереальная красота.

— Да я всё это знаю... Я ещё в старших классах пол-Карелии облазил. В экспедиции ходили по месяцу. А парень один в группе обе ноги сломал. Новичок был.

— Шурик! Ты должен ехать с нами! Нам опытные люди нужны! Бери семью и айда!

Искра уважения к моему походному опыту затеплила во мне огонёк счастья. Вечером рассказал Нюрочке и Маньке о предложении. Дочка в восторге:

— Поехали!!! Поехали!!!

У Нюрочки лицо стало слегка тревожным:

— Шурик, ну, а как мы? Мы ж никогда не ездили? Вдруг будет сложно?

— Ну, не понравится — соберёмся и уедем, не насильно же нас будут держать в карельских лесах?!

— А лодки эти...

— На лодках никуда не поплывём! Откажемся — у нас лодки же нет. Просто по лесу погуляем, черники собиравим!!! Маня воздухом подышит.

Маня визжала и прыгала: “В лес! В лес!”

И жена сдалась. Собираться начала за месяц. По какому-то продуманному списку. Предусмотрены любые повороты сценария: грозы, ливни, засухи, землетрясения, оползни, сходы снежных лавин, дикие животные, клещи, змеи, йети... Я давно так не веселился, как во время её сборов.

Наконец, мы погрузили невероятных размеров багаж во все отсеки машины и тронулись навстречу приключениям. Первые пару дней всё как будто шло отлично. Все барахтались у песчаного берега. Грелись на валунах. Осваивали лес (с различными целями). Если честно, я воду не очень люблю... Плавать в принципе умею. В море бодро вбегаю и занырываю. Но не так, чтобы месить руками и ногами до полного изнеможения. Это уже лишнее. К чему это?..

Я, конечно, заметил, что купленная палатка наша тесновата. Оборудование у меня особо не было. Удочки у этих чертей-походников зачётные. Лодки — вообще шик. Мы превосходили остальных только по размерам собранной Нюрочкой аптечки, гастрономическими запасами и умением из этих запасов создать нечто вкуснейшее. Ну, это всё жена...

Невидимый червь начал подпиливать мой душевный баланс. Чего-то не хватало...

Крутого топорика. Или умения раскрошить полено. Прикольного мангала. Или заплыва на середину озера с другими дикими туристами. Суперского спиннинга. Или огромных рыбин, которых они ежедневно таскали невесть откуда. Они смотрели на меня дружески и весело, но... без восхищения. Да что уж!.. Я замечал, что с гораздо большим уважением они глядят на Нюрочку и кружат вокруг неё, особенно когда она колдует над котелком или даёт детям попробовать “картошечку”.

А вечером четвёртого дня собрались все эти черти общей сходкой и обсуждают:

— Завтра идём на остров Саари.

— Большой заплыв — круто!

— Ну, смотрите, завтра как делаем, через наше озерцо плывём к протокам. Они узкие. Сейчас выберем один, по которому пойдём. Он нас выведет в большую Ладогу.

— Шурик, ты чего скучаешь?

Я выдавил снисходительную усмешку.

— Да всё хорошо, отдыхаю!

— Слышь, завтра твой опыт очень пригодится. Первые две лодки пойдут с серьёзными бойцами. В середине остальные. И кто-то сильный должен замыкать. Смотреть за всеми.

— Так... ну, всё верно... Мы тоже так делали. И на Урале... да... Только у меня ж лодки нет, мужики! — радостно завершил я.

— Тебе Макс свою даст. Он сядет в середину на весла.

— Да, ты нужен, старичок! Хватит по ягоды ходить! — И все заржали.

— Не вопрос, — солидно говорю я, — идём так идем.

Прорвёмся — понятное дело. Лодка моя пойдёт последней, никто особо не будет мне в спину дышать и смотреть, как я гребу и чего я там делаю. Нюрочке с Маней я запретил ехать. Это лишнее. Один как-нибудь справлюсь, оно и полегче будет.

Собрались с утра выходить. Грузимся. А сын Макса, мальчишка лет одиннадцати, скачет вокруг и просится, чтоб тоже взяли. А Макс не умеет с детьми общаться. Вот я сказал своим: “На берегу!” И всё. Никто не прыгает, не канючит, под ногами не путается. А здесь — ой, полная анархия.

— Ну, па, ну, я с вами.

— Вовка, я в середине сяду для страховки. Там лодка вся расписана уже.

— Па, а в нашей лодке, можно?

— В нашей лодке дядя Саша идёт замыкающим, он следит за колонной.

— Па, я ему помогать буду! Я ж с тобой сколько раз ходил! Можно, а? Па? Можно я в нашей лодке?

— Вовчик... Если дядь Саша тебя посадит к себе, то можно. Но помогал чтоб.

— Я всё буду делать. Я даже грести могу. Я сильный.

— Шурик, возмёшь пацана моего? Он стреляный воробей. Можешь эксплуатировать по полной!

Я криво улыбнулся... И безысходно потряс головой...

Мальчик этот странный, конечно. Как сел, уставился на меня, будто на что-то диковинное. И первые минут двадцать ничего не говорил, только тарачился. И лицо такое ошарашенное, словно мы не в лодке плывём, а какие-то вещи небывалые совершаем. Я что, полный идиот перед ним?

Из маленького озерца, на берегу которого стоял наш лагерь, мы двигались в большую Ладогу. Впереди — узкое место. Постепенно мельчало, и дно ощущалось все ближе. Наша колонна двигалась не спеша. Но потом я стал замечать, что они как будто прибавили ходу.

— Сейчас будет глубоко, — внимательно глядя на меня, пробубнил Вовчик.

— Не сказал бы, — уверенно бросил я.

Вовчик глянул на меня немного удивлённо.

— Будет глубже. Нам надо аккуратнее.

Я смотрел на удаляющиеся от нас лодки, и, казалось, они пошли быстрее и увереннее.

— Это где мелко — надо смотреть в оба, чтобы на мель не сесть. А если выплываем на глубокое место, то не бойсь! Можно прибавить.

А парень меня не слушал даже. Вертел башкой. С борзым видом.

— Там может быть подводный камень.

— Ты под водой видишь?

— Вода, видите, такими кругами ходит. Бывает, когда огромный валун рядом.

— Старик, мы в Карелии, тут огромные валуны везде рядом. Вот отстаём мы — это, действительно, непорядок...

Раздражал этот мальчишка. Умничает. Не доверяет мне. Вдруг он как заорёт:

— В сторону, меняйте направление! Левее!!!

Вот псих! Вскочил, показывает мне на что-то.

— Сядь, блин! Ты больной, что ли? — заорал я тоже.

— Сейчас врежемся, обходите!! Куда ж вы правите!!!

Он попытался схватить моё весло. Я хотел отпихнуть его руку, весло выскользнуло и, глухо ударившись, поползло в воду. Пытаясь его поймать, я резко наклонился. Не успел. Свесился, чтобы черпануть его в воде.

— Что вы делаете?! — завизжал Вовчик. — Дурак! Вы дурак!! Папа-а-а!!! Па-а-а-а!!!

Ничего страшного не произошло, если судить по-крупному. Ну, перевернулись. Лето. Озеро. Искупались, считай. Вовчик цел. Не утонул. Не ударился. Испугался только. Причин для паники вообще нет. Вот у костра в лагере уже смеются над этим. По шестому разу вспоминают, кто что услышал, как кто обернулся и что увидел. Ну, подумаешь...

Нюрочка немой старушкой сидит рядом и смотрит на меня цементным взглядом. По-моему, у неё вообще нет чувства юмора. Женщины — такой народ, у них это чувство напрочь отсутствует. А мне даже нравится, если разобратся. Все хлопают меня по плечу. Интересуются, как я себя чувствую.

Вовчик — противный ребёнок — всё бегаёт за папой и пытается ему что-то рассказать. Неприятный мальчик. Я слежу за ним и кутаюсь в плед. Я давно обсох, но как-то потрясывает. Адреналин, наверное.

Народ поднимает алюминиевые кружки и чокается.

— Ну что, ребят, завтра по плану карельские скалы. Есть тут такое место. Потрясное! Доедем на машинах. Потом пять километров пешком, а потом вверх. — Это Макс всё не может успокоиться и пытается сделать наш отдых экстремальным.

— Круто! Завтра в скалы! — баят со всех сторон.

— Лезем! Решено!

Я поддаюсь воодушевлению и тяну свою кружку в общий букет:

— Лучше гор только горы, ребят! Я ж в юности альпинизмом занимался! На Эльбрус ездил. Ох, бригада у меня крутая была. Мы как-то зависли над пропастью...

Сбоку что-то резко хрустнуло. Я осёкся и повернулся на звук. Нюрочка, резко встав, быстро уходила в тёмную, неосвещаемую глубь...